

ЛАФКАДИО

ХИРН

ПАУК-ОБОРОТЕНЬ

Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Эксклюзивная классика (АСТ)

Лафкадио Хирн

Паук-оборотень

«Издательство АСТ»
1887-1904

УДК 821.521-4
ББК 84(5Япо)-44

Хирн Л.

Паук-оборотень / Л. Хирн — «Издательство АСТ»,
1887-1904 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-168174-6

Известный американский журналист Лафкадио Хирн увлекся мистикой еще в юном возрасте, впервые познакомившись с кельтскими легендами. После переезда в Японию интерес к сверхъестественному только увеличился. Погрузившись в изучение мифов, легенд и верований Страны восходящего солнца, Хирн с большим удовольствием писал о духах и привидениях, о святых и проклятых местах, о связи мистики и повседневности и хрупкой границе между зримым и незримым. В данное издание вошли избранные произведения из авторских сборников «Призрачные тени», «Карма и другие истории», «В призрачной Японии», «Китайские привидения» и «Кайданы: истории и очерки о странных вещах».

УДК 821.521-4
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-168174-6

© Хирн Л., 1887-1904
© Издательство АСТ, 1887-1904

Содержание

Кайданы: истории и очерки о странных вещах 6
История Миминаси-Хоити 7
Осидори 12
История О-Тэи 13
Убадзакура 15
Уловка 16
Зеркало и колокол 18
Дзикининки 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Хирн Лафкадио
Паук-оборотень

Школа перевода В. Баканова, 2026 © Перевод. С. Рюмин, 2026 © ООО «Издательство АСТ», 2026

Кайданы: истории и очерки о странных вещах

В большинстве своем «Кайданы», или странные истории, извлечены из старинных японских книг, таких как «Ясо кидан», «Буккё хякка дзэнсё», «Кокон тёмонсю», «Тама сударэ» и «Хяку моногатари». Некоторые истории, возможно, имеют китайское происхождение. Например, известное сказание «Сон Акиносукэ» наверняка имеет китайские корни. Однако рассказчик в любом случае перекрасил и перекроил заимствованный сюжет на японский лад. Историю о Юки-онна рассказал крестьянин из Тёфу, Ниситама-гори, провинция Мусаси. Это легенда его родной деревни. Была ли она опубликована в Японии, я не знаю, но странное поверье, о котором она повествует, определенно существовало в большинстве районов Японии в различных причудливых формах. Случай из «Рики-Бака» связан с моим личным опытом. Я записал почти в точности, как он произошел, изменил только фамилию, упомянутую японским рассказчиком.

Токио, Япония, 20 января 1904 года

История Миминаси-Хоити

Более семи веков тому назад в заливе Данноура, что в проливе Симоносеки, произошла последняя битва затяжной войны между домом Хэйкэ, или кланом Тайра, и домом Гэндзи, или кланом Минамото. Хэйкэ были истреблены под корень вместе с женщинами, детьми и малолетним императором, известным как Антоку-тэнно. С тех пор эту часть моря и побережья вот уже семьсот лет населяют призраки. Раньше я рассказывал о странных крабах под названием «крабы Хэйкэ» с человеческими лицами на панцире, которых считают духами воинов Хэйкэ[1]. На побережье можно увидеть и услышать много странного. Темными ночами висят над пляжем или мелькают над волнами тысячи призрачных огней. Эти неяркие огни рыбаки называют они-би – «бесовскими огоньками». Когда дует сильный ветер, с моря доносятся громкие крики, напоминающие шум битвы.

В прежние времена Хэйкэ вели себя намного беспокойнее, чем сейчас. Они нависали над проходящими ночью кораблями, пытаясь их потопить, вечно преследовали пловцов, чтобы утащить их на дно. Ради умиротворения духов в Акамагасэки[2] был возведен буддийский храм Амида-дзи. Неподалеку от храма рядом с пляжем разбили кладбище, на нем поставили памятники с именами утонувшего императора и его вассалов и регулярно проводили буддийские ритуалы, призванные успокоить духов. После строительства храма и установки надгробий духи Хэйкэ стали причинять меньше беспокойства, но время от времени все еще продолжали вытворять странные вещи, тем самым доказывая, что они так и не обрели вечный покой.

Несколько веков назад в Акамагасэки жил слепец по имени Хоити, известный своим умением декламировать стихи и играть на биве[3]. Хоити с детства учили читать стихи под музыку, и он еще в отрочестве превзошел своих учителей. Став бива-хоси, он приобрел славу сказителя легенд о Хэйкэ и Гэндзи. Когда он заводил песнь о битве при Данноуре, говорят, даже гоблины (кидзин) не могли удержаться от слез.

Поначалу Хоити сильно бедствовал, но у него нашелся хороший друг, который ему помог. Монах из Амида-дзи любил поэзию и музыку и часто приглашал Хоити выступить в храме, на что последний с радостью соглашался. Хоити выделили в здании храма комнату. В обмен на еду и кров он иногда по вечерам радовал монаха своими выступлениями, а в остальное время мог делать, что захочет.

Однажды летним вечером монаха позвали отслужить заупокойную службу в доме умершего прихожанина. Он пошел туда, взяв с собой своего помощника и оставив Хоити одного в храме. Вечер выдался душный, и слепой музыкант вышел на веранду перед своей каморкой подышать свежим воздухом. Веранда выходила в маленький сад с тыльной стороны храма. Хоити стал ждать возвращения монаха, наигрывая на биве. Миновала полночь, а монах все не приходил. В помещениях по-прежнему было душно, поэтому Хоити не уходил с веранды. Вдруг со стороны задней калитки послышались шаги. Кто-то прошел через сад, приблизился к веранде и остановился прямо перед музыкантом, но это был не монах. Низкий голос резко и бесцеремонно окликнул музыканта по имени. Таким тоном самураи подзывают подчиненных.

– Хоити!

---

[1] Описание этих странных крабов читайте в моей книге «Котто». – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора*.

[2] Другое название Симоносеки. Этот же город известен под названием Бакан.

[3] Бива, четырехструнная лютня, в основном используется для музыкальных декламаций. Раньше профессиональных музыкантов, читавших нараспев «Хэйкэ-Моногатари» и другие трагические былины, называли бива-хоси или «монахи с лютней». Происхождение этого названия неизвестно. Вероятно, оно появилось потому, что игроки на лютне, как и слепые массажисты, брили себе голову по примеру буддийских монахов. На биве играют с помощью медиатора бати, обычно изготовляемого из рога.

Слепой от неожиданности не смог ответить сразу, и чужой голос отрывисто, словно отдавая команду, выкрикнул еще раз:

– Хоити!!!

– Хай![4] – поздоровался музыкант, напуганный угрозой в голосе. – Я слепой и не вижу, кто меня зовет.

– Бояться нечего, – смягчился незнакомец. – Я остановился на ночлег неподалеку, меня прислал к тебе с поручением мой хозяин, человек очень высокого звания. Он сейчас в Акамагасэки с многочисленной свитой. Мой хозяин соизволил осмотреть место битвы при Данноуре и сегодня посетил его. Узнав, что ты хорошо умеешь читать предание о битве, он пожелал послушать твое выступление. Поэтому бери свою биву и немедленно следуй за мной в дом, где тебя ждут августейшие гости.

В те времена люди боялись ослушаться приказа самурая. Хоити натянул сандалии, взял биву и пошел за незнакомцем, который ловко направлял его, но постоянно поторапливал. Рука чужака была закована в железо, лязг доспехов выдавал, что он, как дворцовый стражник, одет в латы и вооружен. Первоначальная тревога Хоити улеглась. Он решил, что ему здорово повезло. Сопровождающий говорил о человеке очень высокого звания, поэтому музыкант решил, что его выступление пожелал услышать сановник рангом не ниже даймё первого класса. Наконец, самурай остановился. Хоити понял, что они подошли к большим воротам, и удивился, потому что не мог припомнить в этом городе других больших ворот кроме тех, что вели в Амида-дзи.

– Каймон![5] – воскликнул самурай.

Послышался звук отодвигаемого засова. Они оба прошли в ворота, пересекли сад и остановились у входа в какое-то здание. Самурай крикнул:

– Я здесь! Я привел Хоити.

Послышалось шарканье ног, заскрипели отодвигаемые ширмы, открылись ставни, защищающие дом от дождя, послышались женские голоса. По выбору фраз Хоити понял, что слышит служанок, работающих в доме благородных особ, но при всем желании не мог сообразить, куда его привели. Ему не оставили времени на размышления. Хоити помогли подняться по каменным ступеням и попросили оставить сандалии на последней ступеньке, женская рука провела его по множеству отполированных половиц, они столько раз обходили вокруг опорных столбов, что он сбился со счета, потом пересекли покрытые циновками помещения удивительной ширины и оказались в середине большого зала. Хоити понял, что там собралось много знатных людей, – шелка шелестели, словно листва деревьев в лесу. Он также услышал многоголосый гул публики, вполголоса разговаривающей на характерном языке придворных.

Хоити предложили устроиться поудобнее, он нащупал коленями приготовленную для него мягкую подушку. После того как он занял свое место и настроил инструмент, женский голос, принадлежавший, как он понял, родзё, главной служанке, попросил его:

– Теперь читайте сказание о Хэйкэ под аккомпанемент бивы.

Полная версия сказания потребовала бы нескольких вечеров, поэтому Хоити осмелился спросить:

– Так как вся легенда долго сказывается, какую часть почтенные гости хотели бы услышать?

Женщина ответила:

– Расскажите о битве при Данноуре, ибо нет ничего ее печальнее[6].

---

[4] Да.

[5] Вежливая просьба открыть ворота. Обычно ее произносил самурай, прося стражников впустить его в резиденцию хозяина.

[6] Японское слово, использованное в оригинале, – «аварэ», светлая грусть.

Хоити возвысил голос и начал декламировать часть сказания, посвященную морской битве, извлекая из бивы звуки, напоминающие скрип уключин, шум разрезаемой кораблями воды, свист и жужжание стрел, крики и топот воинов, звон стали о шлемы, всплески сбрасываемых в море мертвых тел. Когда бива на секунду замолкала, он слышал, как окружающие шепчут: «Какой замечательный музыкант», «В нашей провинции таких нет», «Во всей империи не найти лучшего исполнителя, чем Хоити». Похвалы воодушевили музыканта, он играл и пел лучше прежнего, отчего у слушателей от восхищения перехватывало дыхание. Когда сказание достигло места, в котором говорилось о горькой судьбе невинных, беспомощных женщин и детей и о смертельном прыжке в воду Нии-но-Амы с малолетним императором на руках, все слушатели как один издали протяжный, горестный крик. Потом они заплакали так громко и безутешно, что Хоити стало не по себе оттого, что он разбудил столь безмерную скорбь. Плач и стенания продолжались еще долго, но постепенно причитания утихли, и в наступившей тишине Хоити вновь услышал голос главной служанки:

– Хотя мы слышали, что вы прекрасно играете на биве и вам нет равных в декламации, мы не ожидали стать свидетелями такого мастерства, как сегодня. Наш хозяин остался очень доволен и решил назначить вам достойное вознаграждение. Но он желает, чтобы вы играли для него каждый день на протяжении шести вечеров, после чего он соизволит покинуть эти места. Поэтому завтра вечером приходите сюда в этот же час. За вами пришлют того же стражника, что и сегодня. Есть еще одно дело, о котором мне приказано вам сообщить. Пока наш хозяин пребывает с визитом в Акамагасэки, вы никому не должны рассказывать о своих выступлениях у нас. Так как он путешествует инкогнито[7], об этом никто не должен знать. А сейчас вы свободны и можете возвратиться в свой храм.

Хоити должным образом поблагодарил хозяев, после чего женщина подвела его за руку ко входу, где его ждал прежний провожатый. Он отвел музыканта на веранду храма и попрощался.

Хоити вернулся почти под утро, однако его исчезновения никто не заметил. Монах, вернувшись в поздний час, решил, что музыкант уже спит. Днем Хоити сумел немного отдохнуть. Он никому не рассказал о странном приключении. На следующий вечер после полуночи самурай опять пришел за ним и отвел в дом хозяина, где Хоити еще раз выступил с таким же успехом. Однако во время второго вечера его отсутствие случайно было замечено. Когда он пришел домой ранним утром, его вызвали к монаху, и тот с легким упреком сказал ему:

– Мы очень тревожились за вас, мой друг Хоити. Ходить по улицам ночью, в одиночку, ничего не видя, очень опасно. Почему вы ушли, ничего нам не сказав? Я мог бы послать с вами слугу. И где вы были?

Хоити ответил уклончиво:

– Простите меня, дорогой друг. Мне нужно было отлучиться по личному делу, и я не мог выбрать другое время.

Монах был скорее удивлен, чем раздражен упорством слепого. Он заподозрил неладное и решил, что Хоити околдовали или обманули злые духи. Монах не стал задавать новых вопросов, но попросил слуг проследить за Хоити и посмотреть, куда он пойдет, если опять отлучится из храма после наступления темноты.

На следующий вечер слуги увидели, что Хоити выходит из храма. Они тут же зажгли фонари и последовали за ним. Однако ночь выдалась дождливая и безлунная. Прежде чем слуги успели выйти на дорогу, Хоити пропал из виду. Он явно шел быстрым шагом, что не вязалось с его слепотой, к тому же дорога находилась в плохом состоянии. Слуги бегали по улицам и спрашивали во всех домах, где обычно бывал Хоити, не видел ли его кто-нибудь.

[7] «Путешествовать инкогнито» – таков смысл оригинальной фразы «совершать высочайшее путешествие в тайне» (синоби но го-рёко).

Никто ничего не мог сказать. Наконец, возвращаясь по берегу моря в храм, они вдруг услышали яростные звуки бивы, звенящие на кладбище Амида-дзи. За исключением пары призрачных огней, которые там зажигали в темные ночи, кладбище окутывала непроницаемая тьма. Слуги поспешили туда и, светя фонарями, обнаружили Хоити, сидящего в одиночестве, мокрого, перед могилой Антоку-тэнно. Музыкант играл на биве и громко декламировал сказание о битве при Данноуре. Вокруг него и над его головой на всех могилах, словно свечи, горели огоньки мертвецов. Они-би никогда прежде не появлялись перед простыми смертными в таком количестве.

– Хоити-сан! Хоити-сан! – позвали слуги. – Вас околдовали! Хоити-сан!

Слепой, похоже, их не слышал. Он старательно заставлял биву издавать дребезжащие и звонкие звуки, все оживленнее читал нараспев легенду о битве при Данноуре. Слуги трясли его за плечо и кричали в уши:

– Хоити-сан! Хоити-сан! Идемте с нами домой!

Музыкант с упреком ответил:

– Я не потерплю, чтобы вы мешали моему выступлению перед столь высоким собранием.

Услышав его слова, слуги, несмотря на странность ситуации, засмеялись. Они окончательно поняли, что Хоити околдован, заставили его встать на ноги и силой привели обратно в храм, где его по распоряжению монаха переодели в сухую одежду. После этого монах потребовал от друга объяснения своего удивительного поведения.

Хоити долго колебался. Наконец, поняв, что его поступок рассердил и обеспокоил доброго монаха, он решил открыться и рассказал обо всем, что происходило с ним с момента первого появления самурая.

Монах сказал:

– Мой бедный друг Хоити, вам грозит серьезная опасность! Как жаль, что вы сразу мне все не рассказали. Ваши удивительные музыкальные способности принесли вам серьезные неприятности. Вы должны понять, что находились не в чьем-то доме, а всю ночь проводили на кладбище среди могил Хэйкэ. Сегодня ночью наши люди нашли вас сидящим под дождем у мемориального надгробия Антоку-тэнно. Все, что вы себе воображали, – наваждение за исключением призывов мертвецов. Последовав за ними, вы отдали себя в распоряжение духов. Если вы опять их послушаетесь, то после всего, что уже случилось, они разорвут вас на части. Рано или поздно они вас все равно бы убили. Сегодня вечером я не смогу остаться рядом с вами, меня позвали отслужить еще одну службу. Но перед уходом я сделаю все необходимое, чтобы защитить ваше тело, написав на нем священные письмена.

Перед закатом монах и помощники раздели Хоити и кистями нанесли на грудь, спину, голову, лицо, шею, руки, ноги, даже на подошвы ног и все части тела священную сутру «Хання сингё»[8]. Закончив приготовления, монах наставил Хоити:

– Сегодня вечером я уйду, а вы сядьте на веранде и ждите. Когда вас позовут, что бы ни случилось, не отвечайте и не шевелитесь. Ничего не говорите, сидите тихо, как будто медитируете. Если пошевелитесь или издадите хоть один звук, вас разорвут на части. Не поддавайтесь страху и не зовите на помощь, потому что вам никто не сможет помочь. Если вы в точности исполните то, что я вам сказал, опасность минует, и вам больше нечего будет бояться.

---

[8] Так по-японски называют малую «Праджняпарамита хридая сутру». И большую, и малую сутру «Праджняпарамита» («Совершенная мудрость») перевел покойный профессор Макс Мюллер. Они включены в сборник «Священные книги Востока» («Сутры буддизма Махаяны»). Кстати, что касается приведенного в этой истории магического использования текста сутры, то ее предметом является учение о пустоте форм, то есть нереальности характера всех явлений и ноуменов. «Форма – это пустота. Пустота – это форма. Пустота не отличается от формы. Форма не отличается от пустоты. То, что является формой, является пустотой. То, что является пустотой, является формой. Восприятие, название, концепция, знание – это тоже пустота. Нет глаза, уха, носа, языка, тела и разума. Когда оковы сознания уничтожены, [ищущий] освобождается от всех страхов и становится недосягаем для перемен, наслаждаясь окончательной нирваной».

После наступления темноты монах и помощник ушли. Хоити, как ему было сказано, сел на веранде. Он положил биву рядом с собой и, приняв позу для медитации, сидел очень тихо, стараясь не кашлять и дышать потише. Так он просидел несколько часов.

Наконец со стороны дороги послышались шаги. Посетитель прошел в ворота, пересек сад и остановился перед верандой прямо напротив музыканта.

– Хоити! – позвал зычный голос. Слепец затаил дыхание и сидел не шевелясь.

– Хоити! – грозно выкрикнул голос второй раз.

Потом третий, неистово:

– Хоити!!!

Музыкант застыл, словно камень. Голос прорычал:

– Не отвечает. Так не пойдет! Надо посмотреть, где он.

Раздался стук тяжелых шагов, поднимающихся на веранду. Шаги приблизились и стихли совсем рядом. Затем на несколько долгих минут наступила гробовая тишина – Хоити дышал в такт сердцебиения.

Наконец, грубый голос проворчал у него над головой:

– Я вижу биву, но от исполнителя остались только два уха. Теперь ясно, почему он не отвечал. У него нет рта. От него ничего не осталось кроме ушей. Отнесу-ка я своему повелителю эти уши как доказательство, что я исполнил его высочайший приказ, насколько было возможно…

В этот момент железные пальцы схватили Хоити за уши и оторвали их. Несмотря на боль, он не издал ни единого крика. Тяжелые шаги спустились с веранды и направились к дороге, потом стихли. Слепец почувствовал, как теплая кровь стекает по шее с обеих сторон, но не отважился поднять руки и потрогать рану.

Монах вернулся перед рассветом. Он сразу же поспешил на веранду с тыльной стороны храма, наступил во что-то липкое и вскрикнул от ужаса. При свете фонаря он понял, чем была эта липкая субстанция. Хоити все еще сидел в позе медитации, из ран на голове сочилась кровь.

– Мой бедный Хоити! – воскликнул монах. – Это моя вина! Это я недоглядел! Священные письмена были нанесены на все части вашего тела, кроме ушей. Я доверил эту часть работы своему помощнику и очень сожалею, что не проверил, как он ее выполнил. Теперь ничего не поделаешь. Мы просто должны как можно лучше заживить ваши раны. Не унывайте, друг мой. Опасность миновала. Духи вас больше не потревожат.

С помощью хорошего врача Хоити вскоре залечил свои раны. История о его приключении разлетелась по всем краям, и он стал знаменит. Многие знатные люди приезжали в Акамагасэки, чтобы послушать его декламацию, они дарили ему дорогие подарки и давали много денег. В итоге он разбогател. После этого происшествия его прозвали Миминаси-Хоити – Безухий Хоити.

Осидори

В округе Тамура-но-Го провинции Муцу жил когда-то сокольничий и охотник по имени Сондзё. Однажды он пошел на охоту, но не смог найти никакую дичь. Однако, возвращаясь домой, он увидел в месте под названием Аканума пару осидори[9] (уток-мандаринок), вместе плававших на реке, через которую он хотел переправиться. Убивать осидори – дурная примета, но Сондзё сильно проголодался и выпустил в пару уток стрелу. Самка скрылась в камышах у дальнего берега. Сондзё подобрал убитого селезня, принес домой и приготовил ужин.

Ночью ему приснился странный сон. Ему снилось, что в дом вошла прекрасная женщина, остановилась у изголовья его кровати и заплакала. Она плакала так горько, что у Сондзё разрывалось сердце. Женщина причитала:

– Почему, ох, почему ты убил его? Чем он перед тобой провинился? Мы были так счастливы вместе в Аканума. А ты его убил! Что он тебе сделал? Ты хоть понимаешь, что ты натворил? Ты и меня убил тоже. Потому что я не смогу жить без моего мужа. Я пришла только для того, чтобы сказать об этом.

Она опять громко зарыдала. Горький плач пробирал охотника до мозга костей. Женщина, всхлипывая, прочитала стихи:

Хи курэрэба
Сасоэси моно во —
Аканума но
Макомо га курэ но
Хиторинэ дзо уки![10]

Прочитав стихи, она воскликнула:

– Ах, ведь ты не знаешь, ты не можешь знать, что ты сделал. Но когда завтра пойдешь в Аканума, ты увидишь, ты увидишь…

Жалобно плача и стеная, женщина ушла.

Когда Сондзё проснулся утром, сон был настолько ярок в его памяти, что он не находил себе места. Он запомнил слова: «Но когда завтра пойдешь в Аканума, ты увидишь, ты увидишь…» Он решил сразу же пойти туда и проверить, насколько можно верить сну.

Охотник отправился в Аканума и, выйдя на берег реки, увидел одинокую уточку осидори. В этот момент птица заметила Сондзё, но вместо того, чтобы попытаться скрыться, поплыла к нему, глядя на него в упор. Потом вспорола себе грудь клювом и умерла у него на глазах.

Сондзё обрил голову и ушел в монахи.

---

[9] На Востоке эти птицы с древних времен считаются символом супружеской любви.

[10] «Солнце зашло, и я позвала его с собой… О, как печален мой одинокий сон в тени камышей болота Аканума».В третьей строке заключен двойной смысл: слоги, составляющие название Аканума (красные камыши) можно также прочитать как «акану-ма» (время наших неразлучных отношений). Поэтому эти стихи можно перевести следующим образом: «Когда день клонился к концу, я пригласила его проводить меня. После наших счастливых отношений какая жалость ночевать одной в тени камышей!» Макомо – это разновидность высоких камышей, из которых плетут корзины.

История О-Тэи

В давние времена в городе Ниигата, что в провинции Этидзэн жил мужчина по имени Нагао Тёсэй.

Нагао был сыном врача и учился отцовскому ремеслу. С раннего возраста он был обручен с девочкой по имени О-Тэи, дочерью одного из друзей его отца. Семьи договорились, что поженят детей, когда Нагао окончит свое образование. Однако О-Тэи оказалась слаба здоровьем и на пятнадцатом году жизни ее поразила смертельная болезнь. Поняв, что умрет, она послала за Нагао, чтобы попрощаться с ним.

Когда юноша преклонил колени у ее ложа, она сказала:

– Нагао-сама[11], мой нареченный, мы были обручены с детства и должны были пожениться в конце этого года. Но я умираю. Богам ведомо, что для нас лучше. Если бы я протянула еще несколько лет, я бы лишь доставляла другим хлопоты и печаль. С таким хрупким телом я не могу быть хорошей женой, поэтому даже хотеть жить ради тебя было бы очень эгоистично. Я готова встретить смерть и хочу, чтобы ты пообещал, что не будешь горевать обо мне. Кроме того, мне кажется, мы еще встретимся.

– Конечно, встретимся, – серьезно ответил Нагао. – В Чистой земле[12] не бывает разлук.

– Нет-нет, – ласково возразила она. – Я верю, что мы еще встретимся на этом свете, хотя завтра меня похоронят.

Нагао вопросительно посмотрел на девушку и увидел, что она улыбается его непонятливости. Своим тихим, мечтательным голосом она продолжала:

– Да, я имею в виду наш мир и нашу текущую жизнь, Нагао-сама. Но только, конечно, если ты этого хочешь. Чтобы это произошло, я должна снова родиться девочкой и повзрослеть. Так что тебе придется подождать пятнадцать или шестнадцать лет – много времени. Но тебе, мой суженый, сейчас всего девятнадцать лет.

Стремясь утешить ее перед смертью, юноша ласково ответил:

– Ждать тебя, моя возлюбленная, не обязанность, а радость. Мы связаны друг с другом на семь жизней.

– Но ты, я вижу, сомневаешься? – спросила она, глядя ему в лицо.

– Моя милая, я сомневаюсь, узнаю ли я тебя в другом теле и под другим именем, если только ты не дашь мне какой-нибудь знак.

– Я не могу этого сделать. Только богам и Буддам известно, где мы снова встретимся. Но я уверена, совершенно уверена: если ты захочешь меня принять, я смогу вернуться к тебе. Запомни эти слова.

Девушка замолчала, ее глаза закрылись, и она умерла.

Нагао привязался к О-Тэи, и скорбь его была глубока. Он заказал поминальную дощечку, написал на ней дзокумё[13] и положил ее в буцудан[14], перед которым каждый день делал свежие подношения. Он много думал о странных вещах, рассказанных О-Тэи перед смертью. Чтобы удовлетворить ее дух, он написал торжественное обещание жениться на ней, если она вернется в другом теле. Эту клятву он скрепил личной печатью и положил ее рядом с поминальной табличкой в буцудан.

---

[11] Добавление к имени слова «сама» выражает почтение.

[12] Буддийский термин, означающий разновидность рая.

[13] Буддийский термин «дзокумё» (мирское имя) означает имя человека, полученное при рождении, в отличие от «каймё» (имени Шилы) или «хомё» (имени Закона), которые присваивают после смерти и пишут на могильном камне и поминальной табличке, хранящейся в храме прихода. Подробное описание см. в моем очерке «Литература мертвых» в «Экзотике и ретроспективе».

[14] Буддийский домашний алтарь.

Поскольку Нагао был у родителей единственным сыном, он все-таки был обязан жениться. Юноша вскоре уступил уговорам семьи и взял в жены девушку, выбранную его отцом. После свадьбы он продолжал делать подношения духу О-Тэи перед алтарем и всегда с нежностью вспоминал о ней. Однако постепенно ее образ померк в его памяти, как сон, который трудно вспомнить.

Шли годы. В это время его одолевало множество невзгод. Родители Нагао умерли, затем умерла его жена и их единственный ребенок. Он остался в мире один-одинешенек. Нагао покинул свой опустевший дом и в надежде забыть свою печаль отправился в длительное путешествие.

Однажды он прибыл в Икао, горную деревню, славившуюся горячими источниками и красивыми окрестностями. В деревенской гостинице ему прислуживала юная девушка. При первом же взгляде на нее у Нагао екнуло сердце. Она так сильно напоминала О-Тэи, что ему пришлось ущипнуть себя, дабы убедиться, что он не спит. Она бегала туда-сюда, подавая еду и питье и готовя место для ночлега, и ее движения и манеры воскрешали в памяти Нагао изящество той, которая была с детства обручена с ним. Он заговорил с девушкой, и та отвечала мягким, чистым голосом, чья сладость напомнила ему о былых днях.

Крайне удивленный, он спросил ее:

– Старшая сестра[15], ты так похожа на ту, кого я знал давным-давно, что я даже вздрогнул, когда ты вошла в комнату. Извини, что я спрашиваю, но где ты родилась и как тебя зовут?

Она немедленно незабываемым голосом умершей невесты ответила:

– Меня зовут О-Тэи, а ты Нагао Тёсэй из Этиго, мой суженый. Я умерла семнадцать лет назад в Ниигате. Ты письменно поклялся жениться на мне, если я когда-нибудь вернусь в этот мир в теле женщины, скрепил клятву своей печатью и положил ее в буцудан рядом с табличкой, на которой написано мое имя. Вот я и вернулась…

Сказав эти слова, девушка рухнула без чувств.

Нагао женился на ней, и они зажили счастливо. Но жена больше не могла вспомнить, что сказала ему в Икао в ответ на его вопрос и не помнила свою предыдущую жизнь. Воспоминание о прошлой жизни, таинственным образом пробудившееся в момент их встречи, вновь померкло и никогда больше не возвращалось.

[15] Прямой перевод обращения к молодым, незамужним женщинам.

Убадзакура

Триста лет назад в деревне Асамимура в округе Онсэнгори провинции Иё жил добрый человек по имени Токубэй. Он был самым богатым во всем округе и занимал должность мураосы, старосты деревни. Ему везло почти во всех делах, но, дожив до сорока лет, он так и не познал радость отцовства. Страдая от бездетности, он и его жена часто молились богу Фудомёо, которому в Асимимуре был посвящен знаменитый храм Сайхо-дзи.

Наконец их просьбы были услышаны – жена Токубэя родила дочь. Девочка была очень красивой, ее назвали Цую. Матери не хватало своего молока, поэтому для ребенка наняли кормилицу по имени О-Содэ.

О-Цую выросла красавицей, но в возрасте пятнадцати лет заболела, и лекари считали, что она умрет. Тогда О-Содэ, любившая девочку, как родная мать, пошла в храм Сайхо-дзи и горячо помолилась Фудо-сама, чтобы бог спас ее. Бывшая кормилица ходила молиться в храм двадцать один день подряд. В итоге О-Цую неожиданно полностью выздоровела.

В доме Токубэя было устроено великое торжество. Он закатил по случаю радостного события пир для всех друзей. Но в праздничную ночь О-Содэ внезапно заболела, и лекарь на следующее утро объявил, что она умирает.

Семья в великой печали собралась у ее постели, чтобы проводить ее в последний путь, но О-Содэ сказала им:

– Мне пора поведать то, чего вы не знаете. Мои молитвы были услышаны. Я просила Фудо-сама позволить мне умереть вместо О-Цую, и моя просьба теперь исполняется. Поэтому не скорбите обо мне. У меня есть только одна просьба. Я обещала Фудо-сама посадить во дворе Сайхо-дзи в знак благодарности вишневое деревце. Я уже не смогу посадить его сама, поэтому вынуждена просить вас сделать это вместо меня. Прощайте, мои дорогие друзья, и помните: я счастлива умереть вместо О-Цую.

После похорон О-Содэ родители О-Цую посадили во дворе храма самое красивое вишневое деревце, какое смогли найти. Дерево хорошо прижилось и начало расти. На шестнадцатый день второго месяца следующего года, в годовщину смерти О-Содэ, оно чудесно расцвело. Его белые и розовые цветки напоминали соски женской груди с каплями молока. Поэтому люди прозвали это дерево Убадзакура – Вишневое дерево кормилицы.

Уловка

Казнь было приказано произвести в саду ясики[16]. Обвиняемого привели и поставили на колени на широкой, посыпанной песком площадке, которую пересекали тоби-иси, ступени в виде камней, какие до сих пор можно видеть в некоторых японских ландшафтных садах. Руки обвиняемого были связаны за спиной. Слуги принесли несколько ведер воды и мешки из-под риса, наполненные мелкой галькой. Они обложили стоящего на коленях мешками так, чтобы он не мог двигаться. Хозяин пришел посмотреть на приготовления. Он счел их удовлетворительными и не сделал никаких замечаний.

И тут вдруг приговоренный воскликнул:

– Уважаемый господин, я не намеренно совершил ошибку, за которую меня осудили на казнь. Она произошла по моей безмерной глупости. Из-за своей кармы я родился глупцом и не всегда мог избежать ошибок. Но убивать человека только потому, что он глуп, несправедливо. Несправедливость не останется без наказания. Если вы убьете меня, я буду отомщен. Нанесенная обида породит месть, за причиненное зло воздастся злом же.

Когда убивают человека, считающего себя несправедливо обиженным, его дух мстит убийце. Самурай об этом знал, поэтому ответил мягко, почти ласково:

– Мы позволим тебе пугать нас, сколько захочешь, после твоей смерти. Но мне трудно поверить в то, что ты говоришь. Не дашь ли ты нам знак своего яростного негодования, когда тебе отрубят голову?

– Обязательно дам, – ответил человек.

– Хорошо, – сказал самурай, вынимая длинный меч, – теперь я отрублю тебе голову. Прямо перед тобой находится каменная ступенька. Когда твоя голова будет отрублена, попытайся вцепиться в нее зубами. Если твой разгневанный дух поможет тебе это сделать, кто-то из нас действительно может испугаться. Попробуешь укусить камень?

– Укушу! – в великом гневе воскликнул человек. – Укушу! Укушу!

Сверкнула и свистнула сталь, раздался глухой стук. Тело со связанными руками рухнуло на мешки с галькой. Из обрубка шеи хлестнули две струи крови. Голова упала на песок. Она, словно камень, подкатилась к ступеням и, внезапно подскочив, ухватилась зубами за верхний край ступеньки, отчаянно продержалась в этом положении несколько секунд, упала и больше не двигалась.

Никто не вымолвил ни слова. Слуги в ужасе уставились на хозяина. Тот же с полным безразличием протянул меч ближайшему помощнику, который полил клинок от основания до острия водой из деревянного ковша и несколько раз тщательно протер сталь мягкой бумагой. На этом экзекуция закончилась.

Однако слуги и домочадцы самурая еще несколько месяцев жили в страхе перед возможным визитом призрака. Никто не сомневался, что обещанная месть однажды свершится. Постоянный испуг заставлял их видеть и слышать много такого, чего не было на самом деле. Они шарахались от шума ветра в бамбуке, пугались даже теней шевелящихся веток в саду. Наконец, посовещавшись между собой, челядь решила попросить хозяина заказать по убитому и его злому духу сэгаки[17].

– В этом нет нужды, – ответил самурай, выслушав просьбу, которую от имени всех других слуг передал старший слуга. – Понятно, что желание мести, высказанное человеком перед смертью, способно вызвать страх. Но в этом случае бояться нечего.

---

[16] Так называют усадьбу и участок богатого человека.

[17] Заупокойная служба в буддизме.

Слуга с мольбой посмотрел на хозяина, но, видя его пугающую уверенность, не отважился раскрыть рта.

– Кстати, причина довольно проста, – заметив невысказанный вопрос, объяснил самурай. – Опасно лишь самое последнее намерение казненного. Когда я предложил ему подать мне знак, я отвлек его разум от желания отомстить. Он умер с твердой целью – вцепиться зубами в каменную ступеньку – и смог ее достичь, но не более того. Об остальном он уже забыл. Так что можете больше не беспокоиться по этому поводу.

И то правда: мертвец никому не причинял хлопот. Ничего не произошло.

Зеркало и колокол

Восемь веков тому назад священники из Мугэнямы в провинции Тотоми[18] захотели установить в храме большой колокол и призвали женщин своего прихода пожертвовать на переплавку старые бронзовые зеркала[19].

В то время в Мугэняме жила одна молодая женщина, жена фермера. Она тоже принесла свое зеркало в подарок храму, но потом стала об этом жалеть. Женщина вдруг вспомнила о том, что о зеркале рассказывала ей мать, что оно принадлежало еще ее бабушке и прабабушке, и о том, как много в нем отразилось счастливых улыбок. Разумеется, если бы она предложила священникам выкупить зеркало за определенную сумму, то они бы вернули семейную реликвию владелице. Вот только денег у нее не было. Всякий раз, приходя в храм, она видела свое зеркало лежащим за оградой среди сотен других зеркал, как попало сваленных в кучу. Женщина узнавала его по рельефной эмблеме трех элементов, приносящих удачу, – сё-тику-бай (сосна, бамбук и цветок сливы). Они радовали ее еще ребенком, когда мать впервые показала ей зеркало. Женщина искала возможность выкрасть и спрятать его, чтобы потом всегда хранить как зеницу ока. Но шанс все не предоставлялся, и она сильно загрустила, ей казалось, что она по глупости отдала часть самой себя. Ей пришла на ум старая пословица: «Зеркало – душа женщины» (намеком на нее служит китайский иероглиф «душа», отпечатанный на обратной стороне многих бронзовых зеркал). Женщина боялась, что ее опасения оправдаются каким-нибудь неожиданным зловещим образом. Но рассказать о своих сомнениях никому не решалась.

Когда зеркал набралось достаточно много, их отправили в литейную мастерскую на переплавку. Рабочие мастерской обнаружили, что одно из зеркал не желало плавиться. Они несколько раз пытались его расплавить, но оно не поддавалось никаким приемам. Им стало понятно, что женщина, отдавшая зеркало храму, пожалела о своем поступке. Она не преподнесла его с открытым сердцем, поэтому ее эгоистичная душа, не желая расставаться с подарком, придавала металлу твердость и холодность даже в печи.

Разумеется, все вскоре прослышали об этом деле и узнали, чье зеркало не поддавалось переплавке. Из-за огласки бедная женщина мучилась от стыда и сильно злилась. Не вынеся позора, она утопилась, оставив записку:

«После моей смерти можно будет без труда расплавить зеркало и отлить колокол. Но тому, кто разобьет колокол, позвонив в него, мой дух дарует огромное богатство».

Необходимо сказать, что последнее желание человека, пребывавшего во гневе на момент смерти или самоубийства, обычно имеет сверхъестественную силу. Люди не забыли о том, что говорилось в письме, даже после того, как зеркало умершей женщины переплавили и колокол был отлит. Они верили, что дух автора записки действительно наградит разбившего колокол большим богатством. Как только колокол повесили во дворе храма, бить в него приходило множество народу. Они изо всех сил раскачивали бревно, бьющее в колокол, однако металл оказался хорошего качества и стойко переносил все попытки. И все-таки люди не сдавались. Они день за днем, час за часом все били и били в колокол изо всей силы, не обращая внимания на возражения монахов. Одуревшие от непрерывного звона, монахи потеряли терпение, сняли колокол, скатили его по склону холма и утопили в болоте. Глубокое болото поглотило его,

[18] Часть сегодняшней префектуры Сидзуока.

[19] Во дворах некоторых японских храмов по сей день можно увидеть старые бронзовые зеркала, которые сдают для такой цели. Самую большую коллекцию зеркал я видел во дворе храма школы Дзёдо в Хакате на острове Кюсю. Прихожане жертвовали зеркала для бронзовой статуи Амиды высотой тридцать три фута.

на этом все и закончилось. Сохранилась только легенда, согласно которой колокол назывался Мугэн-канэ или колокол из Мугэна.

* * *

В Японии существуют странные старинные верования в магическое свойство некоего умственного действия, подразумеваемого, хотя и не описываемого глаголом «надзораэру». Само это слово невозможно точно перевести на английский язык, потому что оно используется в отношении как разных волшебных превращений, так и выполнения всяческих религиозных ритуалов. Общее значение «надзораэру», согласно словарям, – «имитировать», «сравнивать», «уподоблять», но эзотерическое значение – «подменять в воображении один предмет или действие другим с получением волшебного или магического эффекта».

Например, если у вас нет денег, чтобы построить буддийский храм, вам достаточно положить круглый камешек перед ликом Будды с тем же благочестивым чувством, какое побудило бы вас, будь вы богаты, пожертвовать деньги на строительство храма. Подношение камня ли, храма ли считается равной или почти равной заслугой. Вы не сможете прочитать все шесть тысяч семьсот семьдесят один том буддийских текстов, но вы можете построить вращающееся хранилище текстов и крутить его, как ворот. Если искренне желать и стремиться прочитать шесть тысяч семьсот семьдесят один том, то вам воздастся точно так же, как за их реальное прочтение. Это, пожалуй, в достаточной мере объясняет религиозный смысл слова «надзораэру».

Мистическое значение невозможно объяснить без множества примеров, но для нашей цели хватит одного. Магический смысл слова иллюстрирует следующая махинация: если вы сделаете человечка из соломы на манер сестрицы Елены, вылепившей человечка из воска[20], и прибьете его гвоздями длиной не менее пяти дюймов к дереву в храмовой роще в час Быка[21], то человек, представленный в воображении соломенной фигуркой, умрет в страшных муках. Или представим себе, что в ваш дом ночью проник грабитель и украл ценные вещи. Если вы обнаружите следы ног грабителя в саду и немедленно сожжете на каждом следе большое количество китайской полыни, то подошвы грабителя воспалятся и он не будет находить себе места, пока не вернется и не сдастся вам на милость. Это еще одно колдовское действие, обозначаемое словом «надзораэру». О третьем свидетельствуют различные легенды, связанные с Мугэн-канэ.

После того как колокол скатился в болото, в него, разумеется, стало невозможно звонить и таким образом разбить его. Однако люди, сожалея об упущенной возможности, били и ломали предметы, представлявшие колокол в их воображении, надеясь тем самым умаслить дух владелицы зеркала, вызвавший такой переполох. Одной из тех, кто это делал, была женщина по имени Умэгаэ, вошедшая в легенду благодаря родству с Кадзиварой Кагэсуэ, воином из калана Хэйкэ. Однажды эта пара путешествовала вместе, и Кадзивара оказался в затруднительном положении из-за нехватки денег. Тогда Умэгаэ, вспомнив о колоколе из Мугэна, взяла бронзовый таз, мысленно представила себе, что это колокол, и била в него, пока он не сломался, громко призывая дух даровать ей триста золотых монет. Постоялец гостиницы, где остановилась пара, спросил о причине звона и криков, и узнав историю колокола, подарил Умэгаэ триста рё золотом. Позже о бронзовом тазе Умэгаэ сложили песню, которую танцовщицы исполняют по сей день:

Умэгаэ но тёдзубати татайтэ

[20] Героиня сонета «Сестрица Елена» Данте Габриэля Россетти. – *Примеч. пер.*

[21] Двухчасовой промежуток с часу до трех часов ночи.

О-канэ га дэру нараба
Мина-сан ми-укэ во
Сорэ таномимасу[22].

После этого случая Мугэн-канэ приобрел большую славу. Многие люди следовали примеру Умэгаэ, отчаянно надеясь на удачу. Среди них был обедневший крестьянин, живший близ Мугэнямы на берегу реки Оигава. Промотав все деньги на разгульную жизнь, он слепил в саду из глины копию Мугэн-канэ и бил в фальшивый колокол, пока не сломал его, громко призывая к себе богатство.

Вдруг из земли перед ним выросла фигура женщины в белом с длинными, свободно ниспадающими волосами и накрытым крышкой горшком в руках. Женщина сказала:

– Я откликнулась на твою страстную молитву, потому что она заслуживает ответа. Прими мой дар, – и, отдав ему горшок, исчезла.

Счастливец поспешил в дом сообщить жене хорошую новость. Он поставил перед собой драгоценный горшок, а он был тяжел, и они вместе его открыли. Горшок был до краев наполнен…

Нет! Я не могу произнести вслух, чем он был наполнен.

[22] «Если, ударив по медному тазу Умэгаэ, я смогу заставить появиться благородные деньги, то, прошу вас, выкупите свободу всех моих подруг».

Дзикининки

Однажды Мусо Кокуси, монах школы дзэн, в одиночку путешествовал по провинции Мино[23] и заблудился в гористой местности, где не нашлось никого, чтобы подсказать дорогу. Он долго беспомощно плутал и начал впадать в отчаяние из-за неспособности найти ночлег, как вдруг в последних лучах заходящего солнца заметил на вершине холма маленькую хижину монаха-отшельника, которую называют андзицу. Хижина была в запущенном состоянии, но путник все равно поспешил к ней. Он обнаружил, что в домике живет старый монах, и попросился на ночлег. Старик резким тоном отказал в просьбе и указал тропу, ведущую в крохотную деревеньку в соседней долине, где можно было найти кров и пищу.

Мусо пришел в деревню, состоявшую из десятка крестьянских домов. Его радушно приняли в жилище местного старосты. На момент прибытия Мусо в доме собрались сорок или пятьдесят человек, однако ему выделили отдельную комнатку, куда сразу же принесли постельные принадлежности и еду. Очень устав с дороги, монах рано лег спать. Незадолго до полуночи его разбудил громкий плач в соседней комнате. Ширму тихо отодвинули, в комнату вошел молодой человек с зажженным фонарем, уважительно поздоровался и сказал:

– Почтенный господин, мне выпала неприятная обязанность сообщить вам, что ответственность за этот дом теперь легла на меня. Еще вчера я был не более чем старшим сыном. Но когда вы пришли сюда такой уставший, мы решили не смущать вас, поэтому не сказали, что глава семьи умер всего за несколько часов до вашего прихода. Люди, которых вы у нас увидели, – жители деревни. Они пришли попрощаться с покойным и теперь должны уйти в другую деревню за три мили отсюда, потому что, по нашему обычаю, когда кто-то умирает, никто не должен оставаться в доме покойника в первую ночь после его смерти. Мы молимся и делаем достойные подношения, после этого уходим, оставляя мертвого одного. В доме, где лежит покойник, всегда происходят странные вещи. Поэтому мы считаем, что вам лучше уйти вместе с нами. Мы можем найти для вас хорошее пристанище в другой деревне. Но, возможно, как духовное лицо вы не боитесь демонов и злых духов. Если вам не страшно оставаться в нашем бедном доме наедине с покойным, то добро пожаловать. Но я честно скажу: никто кроме монаха не отважился бы остаться здесь на ночь.

[23] Южная часть сегодняшней префектуры Гифу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.